

Маргиналы

От чужака к маргиналу

„Маргинальность“ изобрели в Америке в конце 20-х годов XX века. Не то чтобы до тех пор не было людей „промежуточных“, ни к какому сообществу не принадлежащих вполне, неудачников и чудаков с неустроенной жизнью и низким социальным статусом, отверженных и чужих — и были, и в глаза бросались. Но слова не было. И учёным не приходило в голову заниматься такими людьми как чем-то особенным.

Правда, Георг Зиммель ещё на рубеже XIX — XX веков — к тому времени распад традиционных обществ успел зайти довольно далеко — описал тип „чужака“ (тем самым обеспечив социологической мысли тему для исследований, по меньшей мере, на век вперёд). Но существование зиммелевского „чужака“ всё же вписывалось во вполне чёткую систему правил. И, кроме того — он был просто и явно чужим. А эти...

Явно не вполне чужие, но, несомненно, не слишком свои, они были скорее исключениями. Другое дело, что количество таких людей-исключений — в подвижном, меняющемся мире после Первой мировой войны — всё росло и росло. Наконец, этим исключением занялись социологи, и в 1928 году американский исследователь Роберт Эзра Парк предложил понятие „маргинального человека“.

Парк обратил внимание, что иммигранты, которые приезжают в США и пытаются, на первых порах безуспешно, вписаться в жизнь американского города, оказываются в особом социально-психологическом состоянии. Покинув родной культурный мир и ещё не войдя в новый, не в силах ни целиком подчиниться нормам и ценностям одного из чуждых друг другу миров, ни от какого-то из них окончательно отказаться — пришелец, писал Парк, оказывается в настолько своеобразной ситуации, что сам становится особенным человеком: промежуточным, то есть маргинальным. Он не знает, как себя вести, каким быть, на что опереться. Что ни сделай — какое-то из сообществ наверняка тебя осудит. Как ни старайся — наверняка ни одно не примет полностью. Ситуация чужака в известном смысле более комфортна — поскольку более однозначна.

Отсюда сомнения в своей личной ценности и хрупкость связей, страх быть отвергнутым и стремление избегать неопределённых ситуаций, болезненная застенчивость и одиночество, „чрезмерная“ мечтательность и „излишнее“ беспокойство о будущем... — всё то, что Парк выделил в качестве характерных черт „маргинального человека“. Это, полагал он, следствие конфликта в нём двух разных социальных порядков. По идее, приходящего, но весьма характерного. Настолько, что о человеке с таким конфликтом внутри можно говорить как об устойчивом типе.

Ни Парк, ни его коллега и соотечественник Эверетт Стоунквист („Маргинальный человек“, 1937), ни те, кто в 1940–1960-х изучал маргинальность как результат перехода от одного образа жизни к другому в ходе социальных изменений (а разрастаться эта область исследований стала сразу же), не имели в виду ничего плохого. Скорее даже наоборот. Ещё Парку в маргинале виделся человек заведомо более свободный, подвижный и пластичный, чем те, кто сидят в своих хорошо обжитых мирах и не суются за их пределы. О том, что личность на рубеже культур — это личность со сниженным качеством, речи не было (хотя многие описанные ими тогда „маргинальные“ люди чувствовали себя именно так).

„Маргинальный человек, — писал Парк, — это тип личности, который появляется в то время и том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества, народы, культуры. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно; вынуждает их принять в отношении обоих миров роль космополита и чужака. Такой человек неизбежно становится (в сравнении с непосредственно окружающей его культурной средой) индивидом с более широким горизонтом, более утончённым интеллектом, более независимыми и рациональными взглядами. Маргинальный человек всегда более цивилизованное существо“.

Тамоцу Шибутани, американский социальный психолог японского происхождения (чем не кандидат в „маргиналы“?!) тоже не видел обязательной связи между маргинальным статусом и личностными расстройствами. Невротические симптомы, полагал он, возникают в основном у тех, кто пытается идентифицироваться с высшей стратой и протестует, будучи отвергнут. Главное же, из маргинальной ситуации для личности возможен положительный исход: высокая творческая активность и способность находить и устанавливать нестандартные связи.

Пока набирала силу эта линия развития понятия „маргинальность“, зашедшая впоследствии весьма далеко, складывалась и вторая, не менее влиятельная: в обыденном сознании. В нём маргинальность довольно скоро оказалась синонимом „отверженности“ — со всем спектром значений, от уничижительного до романтически-героического.

С началом „перестройки“ о маргинальности заговорили и у нас. Слово немедленно, ещё до начала собственных серьёзных исследований (при советской власти их практически не было), приобрело популярность и принялось обрастать идеологическими обертонами. Проблему быстро поставили в политический контекст.

В повседневной речи слово практически сразу получило негативный смысл. „Маргинальность“ стали отождествлять с а(нти)социальностью, люмпенизацией, перевёрнутой системой ценностей. И сегодня, когда говорят о „маргинализации“ целых групп населения постсоветского пространства, имеют в виду именно и только это: падение статуса, утрату надёжных социальных координат и связей (уже, вероятно, и не вспоминая о том, что полтора десятка лет назад само советское общество описывалось как состоящее сплошь из деклассированных маргиналов — так писал в конце 80-х один из первых советских исследователей проблемы Е. Стариков).

Но обростало слово и другими ассоциациями. В 1989 году, в издании с характерным названием „50/50: Опыт словаря нового мышления“, историк Е. Рашковский (вообще-то он писал о „неформалах“, которые, по его мнению, были призваны выразить интересы маргинализированных групп), сделал крайне симптоматичное замечание. Он сказал, что термин „маргинальный“ (в латинском происхождении которого он, разумеется, отдавал себе отчёт) созвучен санскритскому „марга“, слову, которое означает „свободно отыскиваемый человеком духовный путь“.

Граница разрастается

Интеллектуалы и на Западе, и у нас очень быстро обнаружили, что „маргинальность“ имеет не только социальный смысл. Даже не в первую очередь.

Маргинальность недолго понималась как нечто исключительно негативное и вторичное по сравнению с „нормой“ (социальной, этической, биологической...), любое отклонение от которой следует маркировать как нарушение.

То, что долгое время было „фигурами умолчания“ в европейской мысли: безумие, боль, смерть, перверсии, секс, тело, преступление... — превратилось в привилегированные предметы анализа сразу же, едва было осознано, что всё это — пограничные, то есть маргинальные явления. Во многом с помощью интереса к маргинальности норма стала мало-помалу пониматься как культурно-исторический конструкт, а патология или отклонение как „другая“ норма, как возможное прошлое или будущее нормы, как её источник. „Болезнь“ стала метафорой особого, отличного от „нормы“ состояния, которое открывает новые горизонты опыта, а главное, свободно от тирании „здорового смысла“. („Болезнь, — писал Гастон Башляр, — расстраивая некие аксиомы нормальной организации, может открывать новые типы организации“.) Болезнь — переходное состояние, воплощённая готовность к восприятию нового.

В понимании человека это действительно оказалось плодотворным. В самом деле, до некоторых пор классическая антропология принимала за точку отсчёта „нормального“ „человека вообще“, понимая под ним, по умолчанию, белого здорового взрослого европейца мужеска пола и относя прочее разнообразие вариантов к экзотике. Теперь антропологическая мысль смогла открыть для себя в качестве полноценных объектов дикарей и детей, женщин и стариков, сумасшедших и преступников, нищих и наркоманов... И произошло это исключительно благодаря тому, что всех их объединяло (привлекательное, многообещающее) имя „маргиналов“.

Понятие маргинальности стало использоваться в философии культуры и в истории ментальностей — оказалось, оно применимо и к духовным и интеллектуальным практикам, выходящим за рамки „общепринятых“ (читай — привычных для нас) норм и традиций.

„Маргинальностью“ не могла не заинтересоваться гносеология, коль скоро признано существование различных форм мышления, а также проблема границ и пределов познания. Невербальное мышление, изменённые состояния сознания, мистика озарение,

интуиция... — сплошь „маргинальность“ и тем интересны. „Маргинально“ само сознание: что, как не оно, выводит нас за наши собственные пределы?

Наконец, маргинальность стала онтологической категорией: как крайнее, предельное положение вообще; как рубеж между разными областями бытия, между бытием и небытием.

Так, ко второй половине века, маргинальность превратилась сначала в остроактуальную, потом — в престижную, а затем — и во вполне рутинную тему исследований.

Самым привлекательным в маргиналах единодушно признаётся одно: они — источник новизны и культурного роста. Британский антрополог Виктор Тэрнер сформулировал классическую для XX века мысль о том, что новые социальные структуры возникают лишь на границе, на периферии старых. Да и наш Бахтин говаривал, что-де культура творится на границах культур. С тех пор многократно на разных уровнях, от антропологии и философии до публицистики, повторялось: все движения, радикально обновлявшие облик культуры, начинались исключительно маргиналами на окраинах. Пророки, бунтари, основатели новых художественных течений — все сплошь не понятые своим временем, не обласканные мейнстримом маргиналы. Потому что маргиналы — как учил нас ещё Р.Э. Парк — независимы и свободны.

Биологи нам давно это объяснили, подведя под такие представления солидную естественнонаучную базу: „Маргинальные“ особи, чьи биологические и поведенческие характеристики отклоняются от типичных для данного вида, оказываются „эволюционным авангардом“. Когда условия существования вида изменяются так, что ему грозит вымирание, они выводят вид на новые эволюционные пути.

Появились утверждения, согласно которым маргинальны все современные общества — в силу переходности их состояния. Что все мы, люди современной цивилизации, а живущие в больших городах особенно — чужаки, то есть маргиналы, в собственном мире. Е. Рашковский ещё в 1989-м сказал, что „маргинальный статус стал в современном мире не столько исключением, сколько нормой существования миллионов и миллионов людей“. (Теперь это общее место просто не может не упомянуть едва ли не любой, пишущий на эту тему). Что вообще каждый из нас — в каком-то смысле непременно маргинал: ведь через каждого проходят какие-то границы, каждый наверняка не полностью принадлежит хоть к каким-то из требующих его участия сообществ. Говорят (лет семь назад саратовский философ Станислав Гурин написал об этом яркую и спорную книгу), что вообще в качестве маргинальных можно и должно представить и центральные явления человеческого бытия: рождение, смерть, любовь, самоё жизнь, и повседневные события: сон, еду, опьянение, похмелье, игру, драку — не говоря уже о ритуале и празднике. По существу — любой факт человеческой жизни. В некотором смысле — бытие в целом.

О странностях любви

Первое, что бросается в глаза во всей этой истории, её раздвоенность. В то время как интеллектуалов вдохновляла (и продолжает вдохновлять) маргинальность во всех её аспектах, в устах „простых“ (не обременённых профессиональной рефлексией) носителей повседневного сознания это слово неизменно звучало (и продолжает звучать) как ругательство.

При поисках современных русских синонимов слова „маргинал“ интернет выдаёт вариант: „отщепенец“. Куда красноречивее. Назовите-ка человека маргиналом: наверняка обидится. В более редком (но тоже вполне типичном) случае будет польщён: в маргинальности видится принципиальная независимость, надёжный источник индивидуальности, вызов рутине, серости и конформизму, безусловное родство с экстремальностью, волнующее соседство с опасностью, риском и гибелью. Поэтому она так нравится молодым.

Однако раздвоенность при внимательном рассмотрении обнаруживается и у самих интеллектуалов, чьими стараниями „окраинная“ и „рубежная“ тематика заняла прочные позиции в самой сердцевине культурного дискурса. Их отношения с маргинальным двойственны уже хотя бы потому, что на этой теме они делают вполне мейнстримную карьеру, продолжая, таким образом, культивировать именно мейнстрим.

С маргинальными формами культуры и психики давно работают совершенно мейнстримными средствами, типа театра даунов или галерей творчества душевнобольных (на Западе такие существуют с 1970-х годов, у нас московский Музей творчества аутсайдеров открыл постоянную экспозицию в 1996-м, а выставки проводились уже с 1989-го). Оставляя в стороне всё, что можно сказать о плодотворности этого для традиционной культуры, обратим внимание вот на что.

Признавая, что на „границах“ происходит самое важное, интересное и подлинное, представители мейнстрима при этом почему-то упорно не хотят оставить маргиналов там, где они есть. Их тянут в мейнстрим, адаптируют их самих и их эстетическую продукцию в центральных областях культуры вместо того, чтобы, допустим, самим отправиться в маргинальные области, да так там и остаться.

Некоторые, правда, такое проделывали. Это было даже принципиально: практически все теоретики, всерьёз интересовавшиеся в ушедшем веке маргинальностью, признавали, что адекватнее всего она постигается на личном опыте. Тот же Фуко, например, знал, о чём писал, будучи гомосексуалистом-садомазохистом и побывавши в психиатрической клинике вначале в качестве пациента, затем стажёра. Сартр на старости лет сделался заводилой молодых бунтарей; Тимоти Лири лично принимал психоделики, которые исследовал, очаровал ими целое поколение „детей — цветов“ и сидел в тюрьме за распространение наркотиков; супруги Грофы тоже экспериментировали с ЛСД в первую очередь на себе; может быть, и Кастанеда хоть чего-то не выдумал из истории своих отношений с индейцами и их наркотическими веществами... Пауль Клее, чтобы понять, как рисуют дети и душевнобольные, перекладывал иногда кисть или карандаш из „обученной“ правой руки в необученную левую — получая телесный опыт художника-непрофессионала. Самых разных людей,

объединённых разве тем, что все они были умными, яркими, чуткими к культурным тенденциям и сами, вольно или невольно, их формировали — с самых разных сторон тянуло на „окраины“ освоенного: к „дикому“, некультуренному, экстремальному опыту, граничащему с разрушением, угасанием (привычного новоевропейского) разума, а то и с физической смертью.

Все они отправлялись за новым, расширяющим восприятие и понимание опытом в приграничные области бытия. Однако ж исправно оттуда возвращались, читали об этом лекции с кафедр, писали книги, получали гонорары и академические степени. Искали в официальной культуре, этом средоточии неподлинности, славы и признания, а, найдя, вовсе не собирались от них отказываться. Даже проповедник контркультуры и отец психоделической революции Лири имел степень доктора психологии (от которой ему и в голову не приходило отказываться) и издавал монографии (на которых не забывал ставить своё имя). Даже Антонен Арто — действительно душевнобольной и настоящий наркоман, выйдя на склоне лет из психиатрической лечебницы, продолжал писать стихи и участвовать в радиопередачах, то есть использовать для самовыражения средства официальной культуры. Один только Фуко умер от СПИДа, которым заплатил за свой маргинальный гомосексуальный опыт.

Маргиналов нынче приличествует любить. Это своего рода интеллектуальный хороший тон. Однако что-то слишком похоже на то, что любят скорее идею маргинальности, чем её живых — и изрядно неудобных носителей. Поди-ка полюби нищего попрошайку, буйного сумасшедшего, вшивого бомжа, который спит у тебя под дверью, приезжего из непонятной южной страны, которого ты встречаешь вечером на тёмной улице. Поди-ка объясни им, что именно они — источник обновления и роста нашей культуры.

Беда в том, что маргинальность не способна служить опорой и основой — именно в силу своей пограничной, двойственной, в некотором смысле катастрофичной природы, которая вселила такие надежды в людей Новейшего времени. Она ведь действительно граничит с небытием. К ней обратились за тем, чего она дать не может. Её, мягко говоря, сильно преувеличили.

Но очень возможно, иначе и быть не могло. Потому что, в самом деле, именно маргинальность, переходность, неустойчивость оказалась самой большой тревогой, самым сильным страхом нашего времени.

Маргиналы — проблема мультикультурных, разносоставных, разноязыких обществ XX — XXI века. Многовариантность проблематична. На самом деле общества не умеют быть многокультурными, потому что человек это вообще плохо умеет. Самым первым и главным из таких обществ оказалась Америка — прибежище разнородных эмигрантов. Не зря именно там впервые заметили маргиналов и стали исследовать, подготавливая почву для их идеализации. Понятие „маргинальности“ не для того ли было введено в оборот и насыщено смыслами, чтобы если и не справиться как-то с этой трудностью, то, во всяком случае, объяснить её себе? Примириться с ней?

Навязчивость понятий „границы“, „предела“, „Другого“, „окраины“, „перехода“,

Маргиналы

Автор: Lightworker
17.07.2009 21:31 -

„маргинальности“ — не из страха ли перед ними? Обилие теорий маргинальности — не заговаривание ли этого страха?

А опоры у нас так и нет. Вероятно, не там ищем.